

хрестоматия

Анна Фрейд

Детский психоанализ

Психоанализ
раннего детства

Истоки детской
психопатологии

Эмоциональное
развитие, фантазии,
агрессия, сексуальность

Проблемы
подросткового
возраста

Техника детского
психоанализа
в клинической
практике

Анна Фрейд

Детский психоанализ

«Питер»

2003

Фрейд А.

Детский психоанализ / А. Фрейд — «Питер», 2003

Анна Фрейд (1895—1982), по работам которой составлена данная книга, известна не только как сподвижник и продолжатель учения своего отца, но и как основательница нового направления в клинической практике – детского психоанализа. Своей исследовательской и научной деятельностью А. Фрейд доказала, что ребенок не менее взрослого может страдать и нуждаться в помощи. Она утверждает что детский психоанализ требует специальной техники, поскольку в отличие от взрослого ребенок является незрелым, несамостоятельным и незащищенным существом. Идейное и научное наследие А. Фрейда составляет собрание сочинений в 10 томах. В данную книгу включены ключевые работы, в которых отражены взгляды А. Фрейда на специфику детского психоанализа и его технику, этапы развития ребенка, типы детской психопатологии, психоанализ раннего детства, проблемы, связанные с детскими фантазиями и агрессией, механизмы защиты детского «Я», а также вопросы воспитания и образования. Данная книга будет интересна студентам и преподавателям психологических, педагогических, медицинских вузов и факультетов, а также всем тем, чья профессиональная и личная деятельность связана с воспитанием и образованием детей, тем, кто пытается понять поведение и душу ребенка. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

© Фрейд А., 2003

© Питер, 2003

Содержание

Предисловие. Становление и развитие детского психоанализа	5
Раздел I	9
Амнезия событий раннего детства и Эдипов комплекс[1]	9
Инстинктивные проявления раннего детства[3]	17
Латентный период[4]	23
Взгляд на детство с точки зрения психоанализа[5]	30
Использование данных, полученных в анализе взрослых	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Анна Фрейд

Детский психоанализ

Предисловие. Становление и развитие детского психоанализа

Возникновение психоанализа было связано с исследованием и лечением невротических заболеваний взрослых людей. Однако выдвинутое З. Фрейдом (1856—1939) положение о том, что истоки возникновения невротических расстройств уходят своими корнями в детство и связаны с особенностями психосексуального развития ребенка, с необходимостью подводило к изучению детских неврозов. Не случайно основатель психоанализа уделял самое пристальное внимание проблеме Эдипова комплекса, связанного с инфантильной сексуальностью и являющегося, по его мнению, «ядром неврозов». Не случайно и то, что лечение взрослых невротиков предполагало выявление средствами психоанализа воспоминаний пациентов о различных родах ситуаций, событиях, переживаниях, имевших место в их раннем детстве и относящихся к первым годам их жизни.

З. Фрейд работал в основном со взрослыми пациентами. Тем не менее ему приходилось подчас обращаться к детским случаям. Наглядным примером в этом отношении может служить его публикация «Анализ фобии пятилетнего мальчика» (1909), в которой изложен ставший классикой случай «маленького Ганса». Правда, само лечение пятилетнего мальчика проводилось его отцом, а З. Фрейд лишь руководил этим лечением и только один раз принимал участие в разговоре с ребенком. Однако опубликованная им работа способствовала привлечению внимания психоаналитиков к анализу детских неврозов. Так, венгерский психоаналитик Ш. Ференци (1873—1933) в работе «Маленький петушатник» изложил случай странного поведения маленького мальчика, Арпада, проявлявшего повышенный интерес к курам, испытывавшего страх перед петухом и выражавшего чрезмерную любовь и ненависть к птицам.

«Анализ фобии пятилетнего мальчика» З. Фрейда и «Маленький петушатник» Ш. Ференци служили скорее наглядной демонстрацией подтверждения психоаналитических идей, нежели руководством по осуществлению психоанализа детских неврозов. Ни в той, ни в другой работе не содержались рекомендации относительно того, как и каким образом можно использовать психоанализ в процессе конкретной терапевтической работы с детьми. Напротив, в них высказывались такие суждения, которые свидетельствовали о технических трудностях психоанализа при лечении детей и сомнениях по поводу возможностей непосредственного его применения к детским неврозам.

З. Фрейд подчеркивал, что именно благодаря отцу «маленького Ганса» удалось побудить ребенка к определенным признаниям и что только совмещение в одном лице родительского и врачебного авторитета, а также совпадение нежных чувств и научных интересов сделали возможным использовать метод, который «в подобных случаях вообще вряд ли мог бы быть применим». Ш. Ференци заметил, что в случае Арпада «прямое психоаналитическое обследование оказалось невозможным», и ему пришлось ограничиться тем, чтобы просить заинтересованную в этом случае даму делать заметки, записывать изречения и фиксировать странные поступки ребенка.

Тем не менее З. Фрейд считал, что в будущем детские психоаналитические сеансы приобретут большее значение, чем это имело место на начальной стадии развития психоанализа. В работе «Проблема дилетантского анализа» (1926) он писал о ценности детских психоаналитических сеансов для развития теории и о практическом интересе, связанном с обнаружением

того, что большое число детей в своем развитии проходят одну из невротических фаз. При этом он подчеркивал, что в интересах ребенка «аналитическое влияние необходимо соединить с воспитательными мероприятиями» и что эта техника «еще ждет своей разработки».

Отталкиваясь от этих идей, последующие психоаналитики приступили к практическому анализу детских неврозов, что нашло свое отражение, в частности, в терапевтической деятельности А. Фрейда (1895—1982), М. Кляйн (1882—1960), Д. Винникотта (1896—1971) и других аналитиков. Публикации А. Фрейда «Введение в технику детского психоанализа» (1927), «Детство в норме и патологии» (1965), работы М. Кляйн «Психоанализ детей» (1932), «Психоаналитическая игровая техника: ее история и значение» (1955), книга Д. Винникотта «“Пигля”: Отчет о психоаналитическом лечении маленькой девочки» (1977) оказали заметное влияние на становление и развитие детского психоанализа.

Дочь основателя психоанализа Анна Фрейд была одной из первых, кто способствовал становлению и развитию детского психоанализа. Будучи младшей из шести детей З. Фрейда, она не только находилась рядом с ним всю свою жизнь, выполняя роль личного секретаря и ухаживая за отцом, на протяжении шестнадцати лет страдавшего от ракового заболевания, но и, став психоаналитиком, активно включилась в профессиональную деятельность, связанную с Международным психоаналитическим движением.

А. Фрейд не имела медицинского образования. Закончив лицей и получив педагогическое образование в 1914 году, на протяжении пяти лет она работала учительницей. Не встречая возражений со стороны отца, молодая учительница имела возможность посещать его лекции и присутствовать на некоторых заседаниях Венского психоаналитического общества. Проявив интерес к психоаналитическим идеям, в 1918—1921 годах она прошла личный анализ у своего отца. С 1918 года она стала принимать участие в Международных психоаналитических конгрессах. Осуществив самостоятельное психоаналитическое исследование пятнадцатилетней девочки и выступив с докладом «Фантазия избиения во сне и наяву», в 1922 году А. Фрейд стала членом Венского психоаналитического общества.

В 1920 году З. Фрейд подарил своей дочери кольцо, подобное тому, которое носили особенно приближенные к нему мужчины-аналитики, входящие в состав «тайного комитета». В 1923 году А. Фрейд открыла собственную психоаналитическую практику, а в 1924 году стала членом «тайного комитета», заменив ближайшего сподвижника основателя психоанализа О. Ранка (1884—1939), который, выдвинув свои собственные идеи о травме рождения и не встретив поддержки среди ближайшего окружения З. Фрейда, вышел из состава данного комитета. В 1924 году она возглавила Венский психоаналитический институт, в котором стала читать лекции по детскому психоанализу. В том же году она повторно прошла анализ у своего отца, в 1931 году – стала секретарем Венского психоаналитического общества.

Летом 1938 года А. Фрейд вместе со своим отцом покинула Австрию и эмигрировала в Англию. После смерти З. Фрейда она способствовала изданию его собрания сочинений. Во время второй мировой войны А. Фрейд оказывала помощь детям, пострадавшим от бомбардировок Лондона, открыла детский приют-ясли, осуществляла терапевтическую и исследовательскую деятельность. С 1944 по 1949 год была Генеральным секретарем Международной психоаналитической ассоциации. В 1947 году в Хэмпстедде организовала курсы подготовки специалистов в области детского психоанализа, в 1952 году возглавила Хэмпстедскую клинику детской терапии, которая в 1984 году была переименована в Центр Анны Фрейд.

А. Фрейд неоднократно выезжала с лекциями в США, принимала активное участие в работе Международных психоаналитических конгрессов. Была почетным доктором Шеффилдского (Англия), Венского (Австрия), Гарвардского, Колумбийского, Чикагского, Филадельфийского (США) университетов. В 1973 году была избрана почетным президентом Международной психоаналитической ассоциации. Умерла в октябре 1982 года. В возрасте 86 лет.

А. Фрейд – автор многочисленных статей и ряда книг, включая «Введение в технику детского психоанализа» (1927), «Введение в психоанализ для педагогов» (1930), «Я и механизмы защиты» (1936), «Норма и патология детства» (1965). Ее идейное наследие нашло свое отражение в собрании сочинений, изданном в десяти томах.

В своей исследовательской и терапевтической деятельности А. Фрейд исходила из того, что детский психоанализ требует специальной техники, поскольку в отличие от взрослого ребенок является незрелым, несамостоятельным существом, решение на анализ никогда не исходит от него самого, он не чувствует никакого нарушения и чаще всего у него нет сознания того, что он болен. Учитывая эти особенности, детский психоанализ предполагает прежде всего более или менее длительный подготовительный период, на протяжении которого осуществляется как бы «дрессировка» ребенка для анализа (сознание болезни, доверие, согласие на лечение).

По мнению А. Фрейда, работающему с детьми аналитику необходимо придерживаться следующих правил: он не должен оставаться безличным по отношению к маленькому пациенту; вместо толкования свободных ассоциаций и поступков пациента аналитик должен направить свое внимание туда, где «разыгрываются невротические реакции», то есть на домашнюю среду, окружающую ребенка; аналитик должен учитывать то обстоятельство, что внешний мир оказывает «на механизм инфантильного невроза и на течение анализа» более сильное влияние, чем у взрослого пациента; при работе с ребенком аналитик должен суметь занять место его Я-идеала, и ему не следует начинать свою терапевтическую деятельность до тех пор, пока не будет уверен в том, что он «окончательно овладел этой психической инстанцией ребенка»; аналитик должен обладать авторитетом в воспитательном отношении, то есть анализировать и воспитывать, позволять и запрещать, «разрывать и вновь связывать».

Излагая свои взгляды на специфику детского психоанализа, А. Фрейд выступила против позиции М. Кляйн, в соответствии с которой предпринимались попытки интерпретации поведения детей с точки зрения психоаналитического подхода к взрослым, учитывающего сексуальную символику в ее непосредственном смысловом значении. Как и основатель психоанализа, она критически отнеслась к рассмотрению игровой деятельности детей, преломленной через призму символического отображения реальных сексуальных отношений между родителями, что было характерно для М. Кляйн.

В отличие от А. Фрейда, считавшей, что анализ ребенка уместен только в случае инфантильного невроза, М. Кляйн придерживалась точки зрения, согласно которой психоанализ приемлем и для развития нормальных детей. Используя психоаналитические методы исследования и лечения, она разработала технику детского психоанализа, основанную на игре и ранних объектных отношениях. Свободной игре ребенка придавалось такое же значение, как и свободным ассоциациям взрослого пациента. Соответственно за игровыми действиями ребенка усматривались символические значения, в психоаналитической интерпретации совпадающие или, в всяком случае, мало чем отличающиеся от аналитической работы со взрослыми. Связанные с игрой действия ребенка расшифровывались и толковались в плане проявления его сексуальных и агрессивных желаний: столкновение двух игрушек между собой рассматривалось как выражение наблюдения интимных отношений между родителями; опрокидывание какой-либо игрушки – как агрессивные действия, направленные против одного из родителей. Игровая аналитическая техника не требует подготовительного этапа к анализу и дает возможность лучше понять объектные отношения между ребенком и родителями, в первую очередь детские переживания, связанные с матерью. В основу детского психоанализа должно быть положено, по мнению М. Кляйн, представление о том, что удовлетворение и фрустрация, либидозные и деструктивные импульсы формируются на самых ранних стадиях развития ребенка, в течение трех-четырех первых месяцев его жизни, когда у него появляется восприятие «хорошего» и «плохого» объекта («хорошей» и «плохой» груди матери). На ранних стадиях развития ребенка проявляется то, что может быть названо «младенческим неврозом», характеризу-

ющимся депрессивной тревогой. Последняя, как считала М. Кляйн, «играет жизненно важную роль в раннем развитии ребенка, и нормой является завершение инфантильных неврозов где-то к сроку около середины первого года жизни».

Во второй половине 20-х и начале 40-х годов проходили идейные столкновения между А. Фрейд и М. Кляйн, обусловленные их различными взглядами на детский психоанализ. Особенно острыми эти столкновения были в Англии, куда М. Кляйн переехала в 1926 году, а А. Фрейд – в 1938 году.

Отголоски этих дискуссий сохранились до сих пор среди психоаналитиков, специализирующихся в области психоанализа детских невротических заболеваний. Во всяком случае, среди современных психоаналитиков нет единого мнения по поводу того, в какой степени следует доверять детской игре в процессе анализа ребенка: отражает ли его игра действительные жизненные ситуации, свидетельствующие о внутренних конфликтах, или в ней проявляется сопротивление выражению конфликтов; является ли игра ребенка своего рода переносом или излюбленным средством выражения; находит ли он в ней средство «бегства в болезнь» или игра ребенка сама по себе обладает целебной силой.

В настоящее время одни психоаналитики придерживаются взглядов А. Фрейда, другие – разделяют идеи М. Кляйн, третьи – используют все ценное, что имелось в учениях этих двух представителей детского психоанализа. В данной хрестоматии содержатся материалы, принадлежащие перу А. Фрейда, и в ней отражена соответственно одна из позиций, связанная с пониманием специфики детского психоанализа и его техники. Для того чтобы составить более полное представление о возможных подходах к рассмотрению психического развития ребенка, возникновения психических расстройств детей и методов их лечения, читатель может обратиться к опубликованным на русском языке работам, приведенным в списке литературы. Однако мне представляется, что ознакомление с детским психоанализом необходимо начинать с чтения соответствующих работ А. Фрейда. Именно поэтому предлагаемая читателю хрестоматия включает в себя исследования данного автора как необходимую предпосылку для дальнейшего овладения психоаналитическими знаниями в сфере терапии, воспитания и образования детей.

*Валерий Лейбин,
действительный член Академии педагогических и социальных наук,
главный научный сотрудник
Института системных исследований РАН*

Раздел I

Психоанализ раннего детства

Амнезия событий раннего детства и Эдипов комплекс¹

Мы все прекрасно знаем, что преподаватели относятся к психоанализу с известной долей скептицизма и недоверия. Но так как вы, учителя, работающие в Детских дневных центрах², решили все же прослушать краткий курс моих лекций, вы, видимо, тем или иным путем пришли к заключению, что более близкое знакомство с новой дисциплиной сможет оказать определенную помощь в вашей нелегкой работе. После прослушивания этих четырех лекций вы сможете оценить, ошибались ли вы в своих ожиданиях и сумела ли я оправдать хоть часть ваших надежд.

В определенном смысле у меня нет для вас ничего абсолютно нового. Я бы не достигла своей цели, если бы попыталась рассказать вам о поведении школьников или детей, посещающих Дневные центры, так как в этом отношении вы находитесь в более выгодном положении. Через ваши руки ежедневно проходит огромное количество материала, наглядно демонстрирующего весь спектр явлений: от детей, отстающих в умственном и физическом развитии, запуганных, упрямых, лживых, испорченных дурным обращением, до жестоких, агрессивных и склонных к совершению преступлений. Я лучше уклонюсь от попыток оглашения всего списка, так как вы все равно обнаружите в нем много пробелов.

Тем не менее даже хорошее знакомство со всем многообразием ситуаций может препятствовать постижению истинного смысла этих феноменов. Вы, так же как школьные учителя и воспитатели детских садов, должны беспрестанно *действовать*. Жизнедеятельность в классе требует постоянного вмешательства с вашей стороны: вы должны делать замечания, поддерживать дисциплину и порядок в классе, следить, чтобы дети не сидели без дела, давать им советы и указания. Ваша администрация была бы крайне недовольна, если бы вам вдруг пришло в голову перейти на позиции пассивного наблюдателя. Так уж устроено, что в силу своей профессиональной деятельности вы знакомитесь с бесчисленными видимыми проявлениями поведения детей, но вы не можете ни охватить взглядом весь спектр этих явлений, ни проследить истоки детского поведения, на которое вы вынуждены реагировать.

Возможно, вы не можете правильно оценить и классифицировать материал, которым обладаете, не столько из-за отсутствия возможности беспрепятственного наблюдения, сколько потому, что такая классификация требует специальных знаний. Представим себе на минуту, что кто-нибудь из присутствующих здесь особенно заинтересован в том, чтобы выяснить, почему некоторые дети в определенной группе страдают нарушениями зрения или рахитом. Ему известно, что эти дети живут в убогих, сырых домах, но только медик сможет внятно объяснить, каким образом сырость влияет на физическое состояние ребенка. Другой, возможно, сконцентрировал свое внимание на тех опасностях, которым подвержены, по причине своих врожденных качеств, дети страдающих алкоголизмом родителей; в этом случае необходимо

---

¹ Первая лекция по психоанализу для педагогов (1930). Текст дан по изданию: *Фрейд А.* Теория и практика детского психоанализа. Т. I. М., 1999. С. 8–22.

² Немецкое *Hort* здесь переводится как «Детский дневной центр». Его устав гласит: «Центры созданы по модели детских садов, но предназначены главным образом для детей от 6 до 14 лет. В то время как детские сады принимают детей только до 6 лет, то есть дошкольного возраста, центры *Hort* посещают те дети, родители которых уходят на работу на весь день и которые вынуждены были бы проводить свободное от школы время на улице. Здесь, в центрах *Hort*, они готовят уроки, участвуют в коллективных играх, ходят на прогулки».

обратиться к изучению наследственности. Тот, кто интересуется взаимосвязью между такими явлениями, как безработица, нехватка жилья и отсутствие заботы о ребенке, должен заняться изучением социологии. Точно так же учитель, интересующийся психологическими детерминантами всех этих явлений, желающий понять разницу между ними и проследить их постепенное развитие на конкретных примерах, может обратиться за информацией к психоанализу.

Мне кажется, что такое обогащение знаниями может оказать вам значительную поддержку в вашей практической деятельности. На это есть две причины. Дневные центры – это новейший образовательный институт в Вене. Он предназначен для детей, которые по тем или иным причинам после уроков остаются без присмотра родителей. Идея создания подобных центров – превентивная мера, попытка предотвратить негативные последствия, возникающие в результате снижения заботы о детях. Своим существованием они обязаны убеждению, что на развитие вызывающего и асоциального поведения на ранних стадиях можно сравнительно легко повлиять в благоприятной атмосфере таких центров, напоминающей школьную или домашнюю обстановку. Позже, когда выросшие без родительского присмотра, совершившие преступления подростки оказываются в исправительном заведении, сделать это значительно сложнее, а порой просто невозможно.

Тем не менее в настоящий момент посещение Дневных центров не может быть принудительным. В то время как посещение школы является обязательным, вопрос о доверии своего ребенка на попечение работникам Центра оставлен на усмотрение родителей. По этой причине Дневные центры должны постоянно доказывать то, что их существование не является бесполезным, завоевывая авторитет в глазах каждого ребенка и родителя своей успешной работой, точно так же, как до указа об обязательной прививке против оспы надо было снова и снова убеждать родителей в необходимости такой прививки.

Но работники Дневных центров указывают на другое затруднение, присущее их положению. В большинстве случаев им приходится иметь дело с детьми, уже успевшими пройти через руки различных воспитателей. Они отмечают, что эти дети, по крайней мере вначале, неадекватно реагируют на них самих и их поступки. Они приходят с уже сложившимися представлениями и нередко своим поведением выражают недоверие, тревогу или пренебрежение по отношению к учителю. Такое отношение у них выработалось в результате предыдущего общения со взрослыми. К тому же жизнь ребенка в Дневном центре – не более чем приложение к его школьной жизни, и Центры в основном осваивают более либеральные, гуманные и современные способы воспитания, чем те, которые преобладают в большинстве школ. Таким образом, школа, требуя от ребенка определенного стандарта поведения и внушая ему такой стандарт, нередко создает для Центров препятствия в достижении цели.

Так что положение работников Дневных центров далеко не завидное. Они постоянно сталкиваются с трудными задачами, требующими независимого решения и вмешательства; и это не говоря уже о том, что они не являются главными и самыми важными взрослыми в жизни ребенка.

Школьные учителя на это могут сказать, что мы не правы, расценивая их положение как наиболее благоприятное. Они также утверждают, что чаще всего получают ребенка слишком поздно; очень сложно, например, в первом классе начальной школы привить ребенку правильное и серьезное отношение к учебе и к преподавателям, если прежде ему была знакома только беззаботная атмосфера детского сада. Они несут с собой в школу модель поведения, приобретенную в детском саду, и отношение, не приемлемое в условиях школы.

В соответствии с вышесказанным работники детских садов имеют дело с еще не испорченной воспитанием группой, а следовательно, находятся в более выгодном положении. Но даже от них мы, к нашему изумлению, слышим жалобы, что их трех–шестилетние воспитанники уже являются сформировавшимися личностями. Каждый ребенок наделен собственными только ему чертами характера и реагирует на действия воспитателей по-своему.

С каждым ребенком воспитатель связывает определенные ожидания, конкретные надежды и опасения, у каждого из них свои пристрастия, каждый по-своему выражает зависть и нежность, требует любви и отвергает ее. И речи не может быть о влиянии личности воспитателя на покорное, еще не сформировавшееся существо. Воспитательница имеет дело с маленькими личностями, сложными и с трудом поддающимися влиянию.

Поэтому учителя и воспитатели – в школах, в Дневных центрах или детских садах – всегда оказываются в одинаково трудном положении. Очевидно, что формирование личности завершается раньше, чем мы себе это представляли. Чтобы выявить происхождение тех особенностей характера ребенка, которые причиняют преподавателю столько хлопот, исследователь должен обратиться к периоду, предшествующему его поступлению в воспитательные заведения, к первым взрослым в жизни ребенка, то есть к периоду до шести лет и к его родителям.

Возможно, у вас появилось ощущение, что таким образом задача упрощается. Вместо того чтобы день ото дня наблюдать поведение детей старшего возраста в школах и Дневных центрах, мы постараемся собрать сведения об их впечатлениях и воспоминаниях ранних лет.

На первый взгляд это совсем не сложно. Вы всегда стремились к тому, чтобы отношения с доверенными вам детьми были искренними и открытыми. Сейчас это очень пригодится. Отвечая на ваши вопросы, ребенок будет готов рассказать вам все.

Я советую каждому из вас совершить такую попытку, но предупреждаю вас, что вы получите скудные результаты. Дети не рассказывают о своем прошлом, зато они охотно расскажут вам о событиях последних нескольких дней или недель, о проведенных выходных, о своем последнем дне рождения, возможно даже о прошлогоднем Рождестве. Но здесь их воспоминания обрываются, или, в любом случае, дети теряют способность рассказывать о них.

Вы можете сказать, что наша уверенность в том, что ребенок в состоянии вспомнить свое прошлое, не имеет под собой оснований. Следует иметь в виду, что дети не могут отличить важные события от незначительных. Поэтому вы считаете, что будет разумнее и продуктивнее задать наши вопросы не ребенку, а взрослому, интересующемуся исследованием раннего опыта своего детства.

Я, конечно, рекомендую вам воспользоваться также и этим, вторым способом, но знаю, что вы будете удивлены, когда обнаружите, что приятелю, искренне желающему помочь вам, почти нечего сказать. Его более или менее осознанные воспоминания с небольшим количеством пробелов обратятся, может быть, к пятому или шестому году жизни. Он опишет свои школьные годы, возможно даже дом, где он жил на третьем, четвертом и пятом году жизни, имена братьев и сестер и даты; он может даже упомянуть такое особое событие, как переезд из одного дома в другой, или какой-то необычный случай. На этом список иссякнет, прежде чем вы обнаружите искомое, а именно знаки того, как его пятилетнее развитие вело к формированию характерных черт личности.

Разумеется, это подходящий повод для нового разочарования. События, о которых мы хотим услышать, играющие столь важную роль в формировании характера индивида, касаются самых интимных переживаний в его жизни. Это тот опыт, который каждый хранит как самое сокровенное и, не допуская к нему никого, кроме самого себя, застенчиво скрывает даже от самых близких друзей. Учитывая это обстоятельство, следует обратиться за информацией к единственному человеку, готовому ее выдать. Иными словами, каждый исследователь должен изучить самого себя. Здесь дело касается нас самих, и мы должны положиться на способность нормального взрослого человека помнить прошлое, на нашу заинтересованность в этих сведениях и желание преодолеть все барьеры, препятствующие личности выдать свои секреты другим.

Тем не менее, даже если мы подойдем к этому делу со всей заинтересованностью и вниманием и будем предельно откровенны, результаты все равно будут скудными. Нам не удастся пролить свет на ранние годы нашей жизни и собрать непрерывную цепочку воспоминаний того

периода. Мы можем связать события с определенными периодами времени, которые для различных индивидов могут быть совершенно разными. Для некоторых это пятый год жизни, для кого-то – четвертый, еще для кого-то – третий. Однако до этого момента в сознании каждого из нас существует большой пробел, темнота, на фоне которой выделяются лишь некоторые беспорядочные и бессвязные фрагменты, при ближайшем рассмотрении лишенные значения и смысла.

Например, молодой человек не помнит ничего из первых четырех лет своего детства, кроме короткого эпизода на корабле, где капитан в красивой форме протягивает к нему руки, чтобы поднять его над парашютом. Опрос других людей показал, что в тот же период времени он пережил серьезные потрясения и тяжелейшие удары судьбы. Или опять же, в памяти девушки, раннее детство которой было богато эмоциональными переживаниями, среди путаницы событий сохранилось лишь одно четкое воспоминание: во время прогулки в детской коляске она поворачивается назад и смотрит на няню, толкающую коляску!

Вы, конечно, согласитесь, что здесь мы сталкиваемся с крайне противоречивым набором фактов. С одной стороны, из наших наблюдений за маленькими детьми и рассказов родственников о нашем детстве мы знаем, что поведение ребенка на этой стадии развития осмысленно и активно; он выражает свое отношение к происходящему, во многих отношениях проявляет себя как разумное существо. С другой стороны, этот период стерся из его памяти или, в лучшем случае, оставил о себе крайне скудные воспоминания. Согласно свидетельствам школьных учителей и воспитателей детских садов, по истечении этих ранних детских лет человек вступает в жизнь в качестве полностью сформировавшейся личности. Но все же память работает так, будто в этот период, когда ребенок наиболее восприимчив и чувствителен, когда происходит комплексное развитие его личности, ничего достойного запоминания не происходило.

До сих пор академическая психология попадала в эту ловушку. В качестве материала для своих исследований ученые брали только ту часть психической жизни индивида, которая известна ему самому, что неизбежно приводило к недооценке значения первых лет жизни, оставшихся для него неизвестными.

Первую попытку разрешения этого противоречия совершил психоанализ. Исследовав природу ошибочных действий, которые человек совершает в своей повседневной жизни, забывая и теряя вещи или кладя их не на свое место, читая или слыша неверное слово, психоанализ доказал, что такие ошибки не являются случайными. Прежде такие случаи объясняли, не особенно вдумываясь, как результат невнимательности, усталости или просто случайности. Психоаналитические исследования показали, что, как правило, мы ничего не забываем, кроме того, что мы по той или иной веской причине не хотели бы помнить, хотя эта причина обычно нам не известна.

Подобным образом, исследуя пробелы в воспоминаниях детства, психоанализ прибегает к нетрадиционным способам объяснения. Он утверждает, что столь поразительный феномен не имел бы места без серьезных на то оснований. Именно этот мрак, окутывающий первые годы жизни, и препятствия, возникающие на пути каждого, совершающего какую-либо попытку расшеять его, привели психоаналитиков к мысли, что тут скрывается что-то важное. Точно так же взломщик, наткнувшийся на особенно изощренное устройство замка, приходит к выводу, что усилия, которые он приложит, чтобы взломать его, будут щедро вознаграждены; люди не причинили бы себе столько хлопот, чтобы запереть нечто бесполезное!

Но в данный момент в мои планы не входит объяснение, каким образом психоанализ справился с этой целью – восстановить воспоминания детства. Описание метода психоанализа само по себе займет больше времени, чем имеется в нашем распоряжении. Его более детальное рассмотрение и исследование мы оставим на случай другого курса лекций. Сейчас нас интересует главным образом содержание первых пяти лет жизни, в той мере, в которой психоанализу удалось восстановить его. Я напомним только, что это восстановление совершалось путем

толкования сновидений и объяснения происхождения ошибок, совершенных как здоровыми людьми, так и пациентами, страдающими неврозами.

Психоаналитическая реконструкция воспоминаний детства апеллирует к самой ранней поре младенчества, к периоду, когда ребенок обладает только наследственными качествами, присущими ему от рождения, – иными словами, к тому состоянию, в котором мы тщетно надеялись застать его в момент поступления в учебное заведение. То, что нам известно об этой стадии развития, не впечатляет. Новорожденные дети во многом схожи с детенышами животных, однако в некотором отношении находятся в менее выгодном положении, чем молодые животные. Последние зависят от своих матерей только в течение непродолжительного периода времени, самое большее, нескольких недель. После этого они превращаются в самостоятельных особей, способных обходиться без посторонней помощи. С детьми дело обстоит иначе.

Ребенок по крайней мере в течение года находится в такой зависимости от матери, что погиб бы в ту же минуту, когда мать перестала бы заботиться о нем. Но даже по прошествии года младенчества до независимости еще далеко. Ребенок не в состоянии добывать пищу и средства к существованию, защититься от опасности. Как известно, на то, чтобы полностью освободиться от опеки взрослых и стать самостоятельным, требуется пятнадцать лет, а то и больше.

Судьбу ребенка неизбежно определяет его продолжительная зависимость от взрослого, что также отличает людей от особей животного мира. Мать играет в течение первого года жизни самую важную роль в судьбе ребенка, хотя бы потому, что ее нежная забота – единственная его защита, это ощущение остается на всю жизнь. Ребенок чувствует себя в безопасности до тех пор, пока он знает, что мать находится поблизости, и дитя беспокойством или возмущением демонстрирует свою беспомощность, когда мать покидает его. Без матери он не смог бы утолить свой голод; ее присутствие становится жизненно важным для него.

Но отношения между матерью и младенцем вскоре приобретают гораздо больший смысл и уже не могут быть объяснены только стремлением к самосохранению. Мы замечаем, что ребенок хочет видеть свою маму рядом с собой и скучает по ней, даже когда его голод утолен и опасность ему не угрожает. Мы говорим, что ребенок любит свою мать. В ответ на ее нежную любовь и заботу у него появилась привязанность к матери. Верно то, что эта привязанность проистекает из инстинкта самосохранения, но тем не менее она стала независимой от этого инстинкта и дифференцировалась от него.

Нежные взаимоотношения между матерью и ребенком, казалось бы, дают все возможности для его безмятежного физического и психического развития. И конечно, ребенок был бы абсолютно счастлив, если бы мать занималась исключительно его кормлением и заботой о нем.

Но в этот момент внешний мир впервые вмешивается в их отношения. Когда первый год жизни остается позади, выросший из младенческого возраста ребенок начинает понимать, что мать принадлежит не только ему. В семье, в которой он является только маленькой и не самой важной частью, есть и другие члены – отец, братья и сестры, о присутствии которых он узнал только что, но которые, как выяснилось, не менее важны, чем он сам. И все они, разумеется, отстаивают свои права на обладание матерью.

Несложно понять, что маленький ребенок смотрит на своих братьев и сестер как на врагов. Он ревнует к ним мать и хотел бы, чтобы их не было, так как они нарушают привычное и единственно приемлемое для него положение вещей.

Вы лично можете убедиться в том, что дети в раннем возрасте испытывают чувство ревности, понаблюдав за их поведением, например, в момент рождения другого ребенка. Так, двухлетняя девочка, отец которой с гордостью показывает ей новорожденного брата и ожидает, что она придет в восторг, просто спрашивает: «А когда он снова умрет?» Одна женщина рассказывала мне, что, когда она кормила своего ребенка грудью, к ней довольно близко подошел ее трехлетний сын, вооруженный каким-то острым предметом, и она с большим трудом

остановила его, чтобы он не нанес увечье малышу. Можно привести множество подобных примеров. Известно немало случаев, когда двух- и трехлетние дети, оставленные по небрежности родителей наедине с малышами, наносили им серьезные травмы.

У нас есть все основания на то, чтобы считать ревность малолетних детей серьезным явлением. Она проистекает из тех же источников, что и ревность взрослых, и причиняет ребенку столько же страдания, сколько мы испытываем во взрослой жизни, когда в наши отношения с любимым человеком вмешивается нежелательный конкурент. Различие заключается в том, что ребенок более стеснен в своих действиях, чем взрослый, и поэтому единственным воплощением его эмоций является желание. Он бы хотел, чтобы его «надоедливые» братья и сестры куда-нибудь удалились, он желает им смерти. Для маленького ребенка, еще не разобравшегося, что такое смерть, не существует разницы между смертью человека и просто разлукой с ним.

Желание смерти братьев и сестер вполне естественно для ребенка. Чем больше он дорожит своей матерью, тем сильнее это желание. К тому же вначале ребенок совершенно прямолинеен в своих чувствах. Эмоциональный внутренний конфликт возрастает, когда он понимает, что его мать, по необъяснимой для него причине любящая этих «навязчивых» братьев и сестер, требует, чтобы он расстался со своими враждебными чувствами и делил с ними маму, и даже любил их. Здесь и начинаются все сложности во взаимоотношениях детей внутри семьи.

Наблюдая за детьми старшего возраста, вы, возможно, заметили, как часто выражение «братская любовь» не находит своего отражения в действительности, а лишь выражает чаяния родителей и как далеки реальные отношения между детьми от тех, какими их хотели бы видеть родители. Более того, это является убедительным доказательством верности высказанного здесь положения о том, что братья и сестры не испытывают такого острого чувства ревности, когда они меньше привязаны к матери. В малообеспеченных семьях, где мать не может уделять детям много сил и времени, изменения в ее взаимоотношениях с другими детьми, связанные с рождением нового малыша, не так ощутимы. По этой причине мы нередко замечаем, что в таких семьях больше любви и согласия во взаимоотношениях между братьями и сестрами, чем в хорошо обеспеченных семьях или семьях со средним достатком. В последнем случае каждый ребенок рассматривает своих братьев и сестер как очевидных конкурентов на материнскую ласку. Поэтому в такой семье главенствуют явные или скрытые зависть и ненависть.

Однако сумятица чувств, испытываемых ребенком во взаимоотношениях с братьями и сестрами, относительно безобидное явление в сравнении с другим, более глубоким эмоциональным противоречием. Братья и сестры соперничают не только из-за материнской любви. В этой ситуации отец значит гораздо больше. Именно отец играет двойную роль в жизни ребенка. Его ненавидят как соперника, который закрепил за собой право обладания матерью, который уводит ее из дома, обращается с ней как со своей собственностью и настаивает на общей постели с ней. Но в то же время его любят и восхищаются им, потому что всегда могут рассчитывать на его помощь, верят в его силу и могущество и больше всего на свете хотят в будущем стать похожими на него. Здесь перед мальчиком впервые встает необычная и вначале совершенно неразрешимая проблема, заключающаяся в том, что чувства любви и восхищения у него вызывает тот человек, которого он одновременно ненавидит и которому желает смерти. Отношения с братьями и сестрами, если вы помните, осложнялись лишь тем, что надо было подавить в себе враждебные чувства, чтобы угодить матери. В отношении же к отцу в душе мальчика впервые встречаются два противоречивых чувства. Я предлагаю вам самим представить себе все трудности, подстерегающие столкнувшегося с этой проблемой мальчика: во-первых, страх перед масштабами собственных враждебных чувств, во-вторых, боязнь отцовского гнева и того, что он может лишиться его любви, в-третьих, отсутствие прежней простоты и непосред-

ственности во взаимоотношениях с матерью и, наконец, нечистая совесть и страх перед смертью. Я бы могла еще долго рассуждать по этому поводу, но оставим это до следующего раза.

Возможно, вы чувствуете, что дальнейшее изучение истории эмоционального развития ребенка – занятие интересное, но не видите его связи с вашей конкретной работой. Вы полагаете, что дети старшего возраста, с которыми вы имеете дело, давно переросли стадию полной зависимости от матери, детскую ревность и все эмоциональные потрясения первых лет жизни. Но здесь вы ошибаетесь. Явления, с которыми вы сталкиваетесь в ваших группах или классах, непосредственно связаны с этим ранним периодом жизни. Те дети, которых вы называете склонными к конфликтному и асоциальному поведению, завистливыми, вечно недовольными, отождествляют своих одноклассников с родными братьями или сестрами и здесь, в школе, пытаются силой решить проблемы, не решенные дома. Те, кто агрессивно реагирует на малейшую вашу попытку воспользоваться своей властью над ними, отождествляют вас со своим отцом и переносят на вас свою предназначенную отцу враждебность и пожелание смерти. Точно так же те, кто выглядит настолько застенчивым, что даже не осмеливается взглянуть вам в лицо, равно как повысить голос в классе, пытаются отказаться от таких желаний, воспитывают в себе стремление к подчинению. Прежде вас удивляло подобное объяснение этих явлений. Верно то, что у шестилетнего ребенка уже есть определенный набор реакций, и он воспроизводит их применительно к вам. То, что предстает перед вашими глазами, – лишь повторение давних конфликтов в новом облике. Вы в данном случае являетесь жертвой, но не причиной этих конфликтов.

Я предвижу ваше второе возражение. Возможно, вы почувствовали, что описанная мною семья не существует вовсе или по крайней мере большинство семей, с детьми которых вы имеете дело, не такие. Не так часто встретишь мать, дарящую своим детям столько любви и тепла и распределяющей эту ласку так равномерно. Не всегда встретишь и отца, так хорошо ладящего со своей женой и служащего для малолетнего сына предметом любви и восхищения. Как правило, картина совершенно иная.

Но, описывая такую образцовую семью, я преследовала определенные цели. Я хотела, чтобы вы почувствовали всю сложность ситуации, в которой оказывается ребенок, испытывающий противоречивые чувства даже при наиболее благоприятных внешних условиях. Каждый фактор, способствующий их ухудшению, иначе говоря, все обстоятельства, омрачающие картину образцовой семейной жизни, в то же самое время обостряют внутренний конфликт ребенка.

Представим себе, что ребенок на протяжении первого, наиболее важного года жизни совсем не воспитывался своей матерью, а переходил из одной приемной семьи в другую или воспитывался в детском доме постоянно меняющимися, более или менее безразличными нянями. Не следует ли нам считать, что отсутствие первой естественной эмоциональной привязанности сильно повлияет на его дальнейшую жизнь?

Или допустим, что отец, с которого мальчик берет пример и по стопам которого хочет следовать во всем, страдает алкоголизмом, психическими расстройствами или является преступником. В этом случае стремление подражать отцу, в нормальных условиях оказывающее неопределимую поддержку в воспитании, может погубить ребенка.

Когда родители состоят в разводе и каждый из них пытается взять верх над другим во влиянии на ребенка и представить другого виновным, полноценное эмоциональное развитие ребенка находится под угрозой. Его доверие к родителям подорвано, так как его способность к критической оценке разбужена слишком рано.

Я приведу здесь слова восьмилетнего мальчика, тщетно пытавшегося помирить своих родителей, собиравшихся разводиться. Он заявил: «Если папа не любит маму, то мама не любит папу, и поэтому они меня тоже не могут любить. Тогда и я их не люблю. И потому вся семья разваливается». Выводы, сделанные ребенком в этих условиях, тревожны. Он ведет себя

как служащий обанкротившейся фирмы, разочаровавшийся в собственных принципах работы и потому потерявший всякий интерес к своим обязанностям. В таких обстоятельствах ребенок так же, как и в предыдущем примере со служащим, прекращает исполнять свою задачу, то есть в данном случае нормально развиваться, и в качестве реакции на ненормальные условия обнаруживает отклонения.

Дамы и господа, на сегодня хватит. Я представила вам сегодня события раннего детства в той форме, в которой они были воссозданы методом психоанализа. Не знаю, насколько правомочными показались вам эти выводы. В любом случае осуществленные психоаналитиками открытия в целом помогли привлечь внимание людей к событиям первых лет жизни.

В завершение я представлю вашему вниманию случай, подтверждающий практическое значение таких теоретических построений.

Недавно немецкий суд вынес решение в бракоразводном процессе. В ходе судебного разбирательства возник вопрос, с кем из родителей оставить двухлетнего ребенка. Защищавший мужа адвокат доказал, что жена, в силу всех особенностей своего характера, не способна должным образом воспитать ребенка. В ответ на это адвокат жены построил свое возражение на том факте, что двухлетний ребенок нуждается в заботе, а не в воспитании. Чтобы разрешить этот спор, экспертам был задан вопрос, в каком возрасте, по их мнению, начинается воспитание ребенка. Только часть из приглашенных экспертов принадлежала к психоаналитической школе, а часть – к другим, придерживающимся ортодоксальных взглядов. Тем не менее, они единогласно пришли к выводу, что *воспитание ребенка начинается с первых дней его жизни*.

У нас есть все основания, чтобы предположить, что в период, предшествующий открытию психоанализа, эксперты пришли бы к обратному выводу.

Инстинктивные проявления раннего детства³

Мне не известно, как вы восприняли предыдущую лекцию, но осмелюсь предположить, что впечатление было двойственным. С одной стороны, вы, возможно, думаете, что я не смогла предложить ничего, кроме давно известных вам фактов, и сделала это с излишним пафосом; что у меня сложилось ошибочное мнение, будто учителя до сих пор считают своих учеников некими существами, не связанными с семьей; что я забыла, что сегодня даже самый молодой преподаватель, столкнувшись с трудностями, в первую очередь думает о домашнем окружении ребенка, о неблагоприятном родительском влиянии или о последствиях того, что ребенок является младшим, старшим или средним в семье. Вы всегда пытаетесь объяснить поведение ребенка в школе тем или иным обращением с ним в семье. Так что задолго до прослушивания моей лекции вам был известен тот факт, что характер ребенка формируется под влиянием домашней обстановки.

В то же время вам может показаться, что я сильно преувеличиваю, приравнивая чувства и поступки детей к соответствующим проявлениям взрослых людей. Так, я приписала ребенку, вступившему в бытовые разногласия со своими братьями и сестрами, желание смерти последним; а нежное и совершенно невинное отношение мальчика к матери превратила в чувства мужчины, желающего вступить в интимные взаимоотношения с женщиной.

Вам кажется вполне естественным, что мальчик в своих будничных отношениях с отцом осознает, что тот превосходит его в силе, и неохотно подчиняется ограничивающим его свободу родительским требованиям. Но я раздула этот конфликт до масштабов битвы не на жизнь, а на смерть. Вы уже давно с удивлением узнали, что психоанализ зашел так далеко, что сравнил эмоциональное состояние маленького ребенка с чувствами персонажа древнегреческого мифа, царя Эдипа, сразившего своего отца и овладевшего матерью. Возможно, своим выступлением я просто доказала вам, что предубеждение, которое вы всегда испытывали по отношению к психоанализу, не было лишено оснований, и то, что раньше было предубеждением, теперь стало мнением, опирающимся на ваш собственный опыт. Здесь я не собираюсь приводить аргументы в защиту точки зрения психоанализа. Я прошу вас просто немного повременить с выводами.

Давайте еще раз вернемся к вынесенному немецким судом вердикту, который, как я показала вам, полностью соотносится с идеями психоанализа. Что следует подразумевать под понятием «воспитание» с первого дня жизни? Что можно воспитывать в юном, мало отличающемся от животного создании, о мыслительных процессах которого нам до сих пор было известно так мало? На чем могут основываться попытки образования? Судя по набросанной мной схеме внутренней жизни ребенка и его взаимоотношений с окружающими, можно подумать, что ответ не сложен. Задача будет заключаться в том, чтобы проверить, правда ли ребенок испытывает враждебные чувства по отношению к братьям, сестрам и отцу, а также желание физического обладания матерью, и не дать этим желаниям воплотиться.

Но при ближайшем рассмотрении такое определение воспитания ребенка на ранних стадиях развития оказывается нелепым и неудовлетворительным. Маленький ребенок беспомощен и бессилен перед окружающими его людьми. Мы знаем, что его существование поддерживается лишь благодаря доброте окружающих. Его сила не идет ни в какое сравнение с их силой. Так что у него нет ни малейшего шанса осуществить свои опасные желания. Судебной и медицинской практике действительно известны случаи, когда мальчики, насколько это позволяло их физическое развитие, исполняли роль отца по отношению к матери или когда девочки использовались отцами в сексуальных целях. Но во всех этих случаях исполнению ненормаль-

---

³ Вторая лекция по психоанализу для педагогов (1930). Текст дан по изданию: *Фрейд А. Теория и практика детского психоанализа*. Т. I. М., 1999. С. 22—34.

ных желаний способствовали не физическая сила и энергия ребенка, а ненормальное поведение взрослых, использовавших детские желания в целях удовлетворения собственной похоти. В реальной жизни, как правило, гораздо важнее защитить ребенка от насилия отца, чем отца от враждебности ребенка.

Так что вопрос об определении воспитания в начале жизни остается открытым, и о том, в чем оно состоит, мы также знаем немного. Впрочем, можно взглянуть на этот вопрос и с другой стороны, снова обратившись к приведенному выше официальному вердикту и сравнив два понятия – забота о ребенке и воспитание ребенка.

Объяснить, что такое забота о ребенке, не сложно. Уход за ребенком заключается в удовлетворении его физических потребностей. Тот, кто заботится о ребенке, должен удовлетворять его голод, следить за тем, чтобы он всегда находился в тепле, уюте и чистоте (правда, последнее больше соответствует желаниям взрослых, чем ребенка), защищать его от опасностей и прочих сложностей. За удовлетворение всех его нужд ничего не требуется взамен. Воспитание, напротив, выставляет ребенку определенные требования.

Бесконечное перечисление актуальных ныне и в прошлом целей воспитания вывело бы меня далеко за пределы сферы моей компетенции. Родители ребенка всегда стремятся к тому, чтобы его облик соответствовал их требованиям, то есть их цели различаются в зависимости от места проживания, материального благосостояния, социального сословия, политических убеждений. Тем не менее эти различные цели имеют одну общую особенность. Основная тенденция воспитания состоит в том, что родители стремятся вырастить ребенка человеком, похожим на окружающих его взрослых. Из этого мы можем заключить, что воспитатель стремится исключить в ребенке все черты, отличающие его от взрослого, иными словами, борется с поведением ребенка или, как это понимают взрослые, с его непослушанием.

Было бы ошибкой с моей стороны подробно на этом останавливаться, так как любой учитель и работник Дневного центра знает об этом из собственных наблюдений. Но то, как ребенок проявляет себя в школе, слабо отражает его внутренний мир. Достоверные сведения о нем могут дать лишь те, кто жил в постоянном взаимодействии с ним с младенческого возраста до пяти лет. Опрашивая таких людей, мы слышим в ответ следующее: он ужасно эгоистичен и ни с кем не считается; он заботится только о своих интересах и удовлетворении собственных желаний, независимо от того, мешает это другим или нет. Он неопрятен и неряшлив; он прикасается к самым отвратительным предметам и даже тянет их в рот. Он абсолютно не стыдится собственного тела и очень любопытен к вещам, которые другие пытаются скрыть от него. Он обжора и обожает сладкое. Он жесток по отношению ко всем живым существам, которые слабее его, и получает огромное удовольствие, ломая вещи. Ему свойственно множество дурных привычек, связанных с телом: он сосет пальцы, грызет ногти, ковыряет в носу, забавляется со своими половыми органами; и все это он делает с особой страстью, стремится удовлетворить все свои желания и при этом не терпит ни малейшей отсрочки.

Жалобы родителей сводятся к двум пунктам. Первый – это чувство отчаяния; как только им удастся отучить ребенка от одной дурной привычки, так тут же появляется другая. Второй – это недоумение. Они не могут понять, откуда это все берется. Разумеется, не из подражания родителям; они тщательно оберегают ребенка от общения с детьми, которых считают испорченными.

Вы можете сказать, что такое перечисление детских качеств больше напоминает обвинение, чем объективное описание. Но ведь взрослые никогда не были объективны по отношению к детям. Вместо того чтобы наблюдать за ними, они на протяжении веков вели себя как строгие учителя, которые подходят к каждому детскому проступку с возмущением и негодованием. Им не удастся докопаться до истинных причин поступков детей, пока они не научатся не торопиться с выводами. До тех пор пока они называют это «непослушанием», такое детское пове-

дение будет оставаться для них просто хаотичным, беспорядочным нагромождением качеств. Ничего не остается, кроме как сокрушаться по этому поводу!

Более того, до сих пор даже научные исследования не смогли пролить свет на этот вопрос. Они пошли путем отрицания всех черт, не вписывающихся в картину детского характера, которую они выработали из отвлеченных гипотез. Психоанализ был первым течением, освободившимся от преждевременных суждений, предвзятости и предположений, с которыми взрослые с незапамятных времен подходили к эволюции характера ребенка.

В результате масса необъяснимых и неприятных явлений объединилась в органичное целое. То, что раньше казалось набором произвольных черт, предстало в виде четкой последовательности различных стадий развития, в виде того, что раньше понималось под понятием взросления человека. Психоанализ также нашел объяснение перечисленным выше жалобам родителей. Ни быстрая замена одной привычки другой, ни их возникновение без какого-либо внешнего повода больше не ставят исследователя в тупик; с этих пор эти привычки не рассматриваются как досадные случайные отклонения, но понимаются как естественные, нормальные звенья гармоничной цепи развития.

Первым свидетельством существования такой строгой последовательности стал сделанный в результате наблюдений вывод, что выбор частей тела, с которыми дети связывают свои привычки, не случаен, а предопределен. Как вы помните, в нашей первой лекции мы выяснили, что в основе эмоциональной близости матери и ребенка лежит первое кормление и забота матери о ребенке.

В первые недели жизни пища играет важнейшую роль в жизни ребенка; в этот период его рот и связанные с ним органы являются самыми важными частями его тела. Те ощущения, которые он испытывает, когда сосет материнскую грудь и когда молоко течет к нему в рот, наиболее приятны для ребенка, и он хочет их продолжения и повторения даже после утоления голода. Вскоре он находит способ испытывать эти ощущения независимо от принятия пищи и кормящей его матери – он начинает сосать свой собственный палец. Тогда мы говорим, что ребенок «сует пальцы в рот». В эти моменты его лицо принимает такое же довольное выражение, как и в те минуты, когда его кормит мать, и поэтому вопрос, почему ребенок сосет палец, никогда не вызывал сомнений: он делает это потому, что ему это приятно. Сосание пальца, являющееся по сути лишь имитацией принятия пищи, стало независимым процессом и превратилось в занятие, доставляющее ребенку удовольствие. Взрослые же, напротив, никогда не позволяли ребенку наслаждаться сосанием и расценивали его как «дурную привычку».

Более того, доставляющие удовольствие занятия, связанные со ртом, ни в коей мере не ограничиваются принятием пищи и сосанием пальцев. Ребенок ведет себя так, будто хочет ознакомиться с целым миром в пределах его досягаемости посредством рта. Он грызет, лижет и пробует на вкус все, что попадет ему под руку. Следящие за ним взрослые расценивают такое поведение как «негигиеничное», то есть опасное для здоровья. Важнейшая роль области рта как источника приятных ощущений сохраняется на протяжении всего первого года жизни, остаточные явления от этого периода имеют место и в дальнейшем, на гораздо более поздних стадиях развития. Я отношу к ним такие вышеупомянутые качества, как обжорство и пристрастие к сладкому.

Выбор следующей области тела, выходящей на первое место по значимости, в прошлом занимаемое областью рта, также обусловлен внешними факторами. До этого времени взрослый мир был снисходителен к ребенку и почти полностью посвящал себя уходу за ним, от ребенка требовалось только одно – привыкнуть к порядку и регулярности в принятии пищи и отходе ко сну. Но теперь другой важный фактор постепенно входит в жизнь ребенка – соблюдение чистоты. Его мать или няня стараются отучить его испражняться под себя. Нелегко заставить ребенка контролировать эти функции. Можно сказать, что весь второй год жизни проходит

под знаком этих нередко очень энергичных попыток со стороны взрослых привить ребенку привычку к чистоте.

Думаю, вы понимаете, что не следует винить ребенка за то, что ему требуется столь длительный период времени, чтобы привыкнуть к соблюдению чистоты. Его сфинктеры еще недостаточно развиты. Что касается начального периода, я с этим согласна, но в дальнейшем все происходит наоборот. В результате пристального наблюдения за ребенком появляется подозрение, что, хоть он теперь и способен контролировать свои сфинктеры, он защищает свое право совершать испражнения тогда, когда ему этого хочется, и что он расценивает продукты своего организма как нечто принадлежащее ему. У него появляется необыкновенный интерес к собственным экскрементам; он пытается дотронуться до них, играть с ними, и если его, конечно, вовремя не остановить, он далее засунул бы их в рот. И здесь снова мы можем без труда определить мотивы его поведения по выражению его лица и тому рвению, с которым он все это делает. Очевидно, что это забавляет ребенка, доставляет ему удовольствие.

Важным моментом является то, что это удовольствие больше не связывается с силой или слабостью сфинктеров. Точно по такому же принципу, как раньше ребенок открыл для себя, что можно получать удовольствие, имитируя принятие пищи через рот, теперь он наслаждается ощущениями, полученными посредством своих функций выделения. Область ануса становится в этот период времени наиболее важной частью его тела. Так же как в грудничковый период ребенок чувствует наслаждение, сося палец, независимо от принятия пищи, теперь он пытается задержать свои выделения, играя с этой частью тела и получая приятные ощущения посредством анальной зоны. Если он приучается ходить в туалет, что не позволяет ему продолжать эти занятия, то он пытается хотя бы сохранить в памяти эти ощущения, связывая их с такими позволительными развлечениями, как игры с песком, водой, землей и, значительно позже, с «размазыванием» красок.

Взрослые всегда жаловались, что в этот период дети неряшливы и постоянно устраивают вокруг себя беспорядок. Но они же всегда были склонны прощать это ребенку, потому что он еще мал и глуп, а его эстетический вкус еще недостаточно развит, чтобы он мог понять разницу между чистотой и грязью, и его обоняние еще не в состоянии отличить приятный запах от ужасного.

Я придерживаюсь мнения, что в основе таких наблюдений лежит предубеждение и что здесь допущена ошибка суждения.

Если вы пронаблюдаете за ребенком приблизительно двухлетнего возраста, то заметите, что с его чувством обоняния все в порядке. Он отличается от взрослого только оценкой различных запахов. Приятный взрослому человеку аромат цветов оставит ребенка совершенно равнодушным, если его, конечно, еще не научили, нюхая цветок, говорить «О, как мило!»

Другие характеристики относятся к той же категории. На протяжении веков люди отмечали жестокость детей, приписывая это отсутствию понимания чего-либо. Когда ребенок отрывает лапки и крылья бабочкам и другим насекомым, убивает или калечит птиц или направляет свои разрушительные действия на игрушки и другие предметы обихода, старшие обычно прощают ему, считая, что это вызвано отсутствием у него сочувствия к отличным от него живым существам и непониманием денежной стоимости вещей.

Но и в этом отношении наши наблюдения указывают нам на нечто иное. Мы считаем, что ребенок калечит животных не потому, что не понимает, что причиняет им боль, а именно потому, что хочет причинить боль, и для этой цели маленькие, беззащитные насекомые – самые подходящие и наименее опасные существа. Ребенок портит вещи потому, что реальная их стоимость ничтожна по сравнению с тем наслаждением, которое он получает, ломая их. И снова мы можем судить о мотивах его поведения по выражению его лица и тому особому рвению, с которым он идет к своей цели. Он так ведет себя потому, что получает от этого удовольствие.

После того как старания взрослых заставить ребенка ходить в туалет увенчались успехом, и он, несмотря на свое сопротивление, научился контролировать свои движения, анальная зона теряет свою роль в доставлении ему удовольствия. Ее место теперь занимает даже более значимая часть тела. Ребенок начинает играть со своими половыми органами. В этот период времени его стремление к познанию направлено на изучение различий между полами. Он с удовольствием демонстрирует свои половые органы другим детям и требует того же взамен. Его страсть задавать вопросы, на что часто жалуются родители, зиждется как раз на взаимосвязи проблемы различий между полами и происхождения детей, которую он так или иначе смутно чувствует. К сожалению, та высокая точка развития, которой во многих отношениях ребенок достиг к этому времени, то есть к четырем или пяти годам, кажется взрослым высшей точкой развития у него дурных привычек.

На протяжении всего описанного здесь периода времени ребенок ведет себя так, будто не существует ничего важнее, чем следование собственным желаниям и подчинение властной силе своих инстинктов, в то время как взрослые действуют так, как если бы их главная задача состояла в том, чтобы не дать ему достигнуть своих целей. Результатом такого расклада становится никогда не прекращающаяся битва между детьми и взрослыми.

Последние стремятся заменить то удовольствие, которое ребенок получает от грязи, отвращением к ней, отсутствие чувства стыда – стыдливостью, жестокость – чувством жалости, склонность к разрушению – заботливостью. Интерес к телу и игру с его частями следует воспретить, отсутствие внимания к окружающим – заменить внимательностью к ним, эгоизм обратить в альтруизм. Шаг за шагом взрослые пытаются достичь противоположного тому, что хочет ребенок, и каждым своим шагом провозглашают цели, противоречащие врожденным инстинктивным побуждениям ребенка.

Как мы видим, получение удовольствия – главный жизненный принцип ребенка. Взрослый хочет приучить ребенка к мысли, что требования внешнего мира важнее его внутренних побуждений. Ребенок нетерпелив, он не терпит отлагательства и поступает только так, как ему хочется в данную минуту; взрослый же учит его откладывать реализацию своих порывов и думать о будущем.

Вас должно удивить, что в своем описании я не делаю существенного различия между удовольствиями, получаемыми от сосания пальца и от игры с гениталиями, то есть мастурбации. Дело в том, что с точки зрения психоанализа такого различия не существует. Все приносящие удовольствие действия, которые были описаны здесь, стремятся к воплощению инстинктивных побуждений. Психоанализ наделяет их всех сексуальным значением, независимо от того, направлены ли они непосредственно на половые органы, рот или анус. Роль, которую играют гениталии на четвертый или пятый год жизни ребенка, тождественна роли, придаваемой рту на первом году жизни или анусу на втором. Генитальная область приобретает такое же значение, только в той ретроспективе, в какой мы расцениваем ее относительно половой жизни взрослых, когда гениталии являются исполнительными органами, отвечающими за секс. Но даже в раннем детстве эти дарящие удовольствие области тела несут в себе определенное значение. Полученное с их помощью чувственное удовольствие служит подготовкой и предвещанием будущего полового акта.

Тот факт, что области тела, позволяющие маленькому ребенку получать свое первое чувственное наслаждение, играют роль, хотя и второстепенную, в половой жизни взрослого, не должен казаться вам достаточным основанием для того, чтобы видеть в действиях ребенка, стремящегося извлечь из них удовольствие, сексуальную подоплеку и придавать самим этим областям сексуальное значение. Но психоанализ оправдывает такую классификацию в свете других обстоятельств. Имеют место случаи отклонения от нормы, когда воплощение того или иного детского побуждения так и не отходит на второй план по отношению к удовольствию, доставляемому половыми органами, а остается главенствующим и доминирует в поло-

вой жизни взрослого, заменяя собой нормальный секс. Такие отклонения называются половыми извращениями. Для этих людей характерно то, что в очень важном жизненном аспекте, а именно в сексуальности, они остаются на уровне маленького ребенка или, возможно, время от времени возвращаются к этому уровню.

Понимание этого отклонения в половой жизни взрослых является ключом к объяснению того, почему взрослые так ревностно удерживают ребенка от реализации своих побуждений. Фазы развития, через которые ребенку надо пройти, должны быть не больше чем остановками на пути к намеченной цели. Если какая-то из таких остановок кажется ребенку слишком привлекательной, то возникает опасность, что он захочет осесть там окончательно и откажется от продолжения путешествия, то есть от продвижения к последующим стадиям развития. Много лет назад существовало научное свидетельство, подтверждающее эту концепцию, и взрослые, следившие за детьми, вели себя так, будто они распознали эту опасность, и считали своим долгом провести ребенка через все стадии его развития, не позволяя ему получать удовольствие и реальное удовлетворение ни на одной из них, кроме последней.

С незапамятных времен применялись два способа удержать ребенка от получения этого сомнительного удовольствия. Могли предупредить ребенка: если не прекратишь сосать большой палец, мы егоотрежем; эта угроза повторялась в разных случаях во всех вариантах. Это означало лишь одно – напугать ребенка нанесением серьезной травмы необходимой и наиболее высоко ценимой части тела и потому вынуждало его отказаться от удовольствия, которое она ему доставляла. Или родители могли сказать: если ты будешь это делать, я не буду любить тебя, тем самым угрожая ребенку возможностью потери родительской любви. Эффективность обеих угроз обусловлена, как мы уже поняли, положением ребенка, то есть его полным бессилием и беспомощностью перед всемогущим миром взрослых и его исключительной зависимостью от родительской опеки.

Оба метода, как правило, одинаково эффективны. Под давлением столь страшных угроз ребенок, конечно, учится отказываться от своих примитивных желаний. Вначале он просто из страха перед взрослым или из любви к нему делает вид, что поменял свое мнение. Он начинает называть отвратительным то, что ему кажется привлекательным, и оценивать как хорошее то, что ему не нравится. Так как он все больше отождествляет себя со взрослыми, их ценности он тоже начинает признавать справедливыми. Он даже начинает забывать, что когда-то чувствовал обратное. Постепенно он отворачивается от всего, чего хотел в первые годы жизни, и предотвращает возможность возвращения к прежним удовольствиям полным отказом от связанных с ними чувств. Чем лучше ему удастся эта трансформация, тем больше взрослые довольны результатами своих усилий.

Отречение от удовольствий, ведущих свое происхождение от побуждений раннего детства, несет с собой два основных последствия для психического развития индивида. Он применяет навязанные ему стандарты ко всем окружающим и становится нетерпимым к тем, кто этих стандартов не достиг. Моральное негодование, пробуждаемое в нем подобной вседозволенностью, является ценой тех усилий, которые ему пришлось приложить, чтобы подавить в себе детские инстинктивные побуждения.

Но так как он старается не обращать свои мысли к так высоко ценимым им когда-то приятным ощущениям, чувства и опыт, относящиеся ко всему тому периоду, одновременно выталкиваются из памяти. Он забывает свое прошлое, которое теперь, ретроспективно, представляется ему отвратительным и недостойным. И именно поэтому и возникает тот провал в его памяти, то непреодолимое препятствие, преграда, отделяющая его от самых важных событий его жизни и так поразившая нас на прошлой лекции.

Латентный период⁴

На протяжении двух предыдущих лекций я держала вас вдалеке от узкой сферы ваших интересов. Я старалась привлечь ваше внимание к эмоциональным условиям и развитию инстинктивных влечений маленького ребенка – к предмету, который, как вы, возможно, считаете, имеет практическое значение только для матерей, нянь или по крайней мере воспитателей детских садов. Мне бы не хотелось, чтобы вы, в связи с моим выбором материала, думали, что я недооцениваю проблему, возникающую в вашей работе с детьми старшего возраста. Но моей целью было в этом курсе лекций довести до вашего внимания множество основополагающих идей психоанализа, и, чтобы ярче раскрыть их вам, мне понадобился определенный материал, который я могла почерпнуть лишь из опыта первых лет детства.

Чтобы оправдать мой выбор окольного пути, по которому я вас повела, давайте разберемся, что нового вы уже открыли для себя. Я начала с утверждения психоанализа, что люди знакомы лишь с частью своей внутренней жизни и ничего не знают о том огромном количестве мыслей и чувств, протекающих внутри них без их ведома, иначе говоря, *бессознательно*. Возможно, у вас было искушение ответить, что никто не должен ожидать слишком многого от своей памяти. С этой точки зрения кажется очевидным, что, находясь под влиянием огромного количества внутренних и внешних раздражителей, человек, конечно, не может удержать все в своем сознании; оно должно вмещать только наиболее важные сведения. Но пример большого пробела в памяти, затмевающего собой детские годы, противоречит этому предположению. Я могла показать вам, что значимость события, безусловно, гарантирует его сохранение в нашей памяти, но бывают, напротив, события большей значимости, которые очень часто исчезают из памяти. К этому можно добавить и тот факт, что невидимая часть внутреннего мира имеет любопытное свойство сохранять свою силу после исчезновения из сознания. Этот двоякий аспект жизни ребенка – стирание событий из памяти, при сохранении их влияния в дальнейшем – послужил иллюстрацией к концепции *бессознательного* в психоанализе.

Вы также узнали, что способствует забыванию важных впечатлений. Сам ребенок склонен к тому, чтобы сохранить добрую память о своих первых, много значащих для него желаниях, если бы они не подверглись внешнему влиянию. Благодаря этому влиянию он отворачивается от них, затрачивает массу энергии, чтобы оттолкнуть их от себя, и поэтому ничего больше не хочет знать о них. В этом случае мы говорим, что он *подавляет* их.

Вы также слышали, что даже после того, как ребенок справляется с этой задачей, воспитывающие его взрослые еще не довольны результатом. Они всегда опасаются, что подавленные привычки в какой-то момент вновь всплывут на поверхность. Поэтому они ставят все возможные преграды на пути их возвращения. Как было сказано выше, это ведет к полному изменению первоначальных чувств ребенка и черт его характера. Допустим, например, что ребенок приблизительно двухлетнего возраста ощущает потребность взять в рот свои экскременты. Под влиянием воспитания он научился не только отвергать то, что, как он теперь знает, называется грязным, и отказываться от своего первоначального побуждения, но и чувствовать отвращение по этому поводу. Это означает, что теперь его тошнит от контакта с экскрементами, рвотные позывы занимают место первоначального желания взять что-либо в рот. Использование рта в таких целях стало невозможным для него благодаря чувству отвращения. Психоанализ называет такое явление, возникшее как реакция на детские побуждения и вступившее в противостояние с ними, *формированием реакции*. Когда в дальнейшем мы обнаруживаем в ребенке старшего возраста необычайно сильно развитое чувство жалости, повышенное чувство стыда,

---

⁴ Третья лекция по психоанализу для педагогов (1930). Текст дан по изданию: Фрейд А. Теория и практика детского психоанализа. Т. I. М., 1999. С. 34—47.

на удивление легко вызываемую реакцию отвращения, то делаем вывод, что в ранние годы у него отсутствовало чувство стыда или он был особенно жесток либо неряшлив. Эта реакция так сильна потому, что призвана предотвратить возвращение былых привычек.

Однако это изменение взглядов на кардинально противоположные, выраженные в виде формирования реакции, – только одно из средств, к которым прибегает ребенок, чтобы избавиться от нежелательных привычек. Другой уже упомянутый здесь способ заключается в компенсации неприемлемых действий более приемлемыми. Ребенку, наслаждавшемуся играми со своими экскрементами, чтобы избежать недовольства воспитывающих его людей, не нужно полностью отказываться от своих забав. Он может обратиться к удовольствиям, схожим с вышеназванными, заменяя игры с фекалиями и мочой игрой с песком и водой. Используя предоставленные ему возможности, он может копаться в песочнице или в саду, девочки могут также развлекаться стиркой кукольной одежды. Удовольствие, получаемое от размазывания грязи, как уже было отмечено, превращается в интерес к рисованию и раскрашиванию. Каждое из этих одобряемых обществом и нередко полезных занятий частично компенсирует нравившиеся ему когда-то ощущения. Такое изменение прежних побуждений на более сложные, стремление к более высокой цели в психоанализе называется *сублимацией*.

Однако из двух предыдущих лекций вы сумели почерпнуть для себя нечто большее, чем просто определение основных идей психоанализа. Вы узнали, что некоторые образы и идеи определенно связываются друг с другом в сознании ребенка, и эти идеологические модели и комплексы оказывают серьезное влияние на его эмоции. Эти комплексы доминируют на протяжении нескольких лет, пока они не подавляются и не исчезают из сознания взрослого. Примером такого объединения представлений служит отношение маленького ребенка к родителям. Как вы уже слышали, психоанализ видит в нем те же мотивы и побуждения, которые спровоцировали царя Эдипа на совершение своих поступков, и называет его *Эдиповым комплексом*. Другой такой комплекс представлений вырабатывается под влиянием родительских угроз, призванных заставить ребенка следовать желаниям взрослых. Эти угрозы, содержание которых сводится к тому, чтобы отрезать важную часть тела ребенка – руку, язык или половой орган, – породили явление, которое в психоанализе называется *кастрационным комплексом*.

Далее вам стало известно, что та форма, в которой ребенку являются его ранние комплексы, в особенности взаимоотношения с родителями, становится прототипом для всей его дальнейшей жизни. Чувства, которые индивид испытывает впоследствии, предопределены той схемой, с которой согласовывались его любовь и ненависть, бунтарство и покорность, преданность и неверность в раннем детстве. Немаловажным фактором, влияющим на будущее ребенка, является внутреннее побуждение, определяющее его выбор друзей, любимых и даже профессии и сформировавшееся под влиянием подавленных переживаний детства. Мы говорим, как и в приведенном выше примере взаимоотношений «ученик–учитель», что ребенок *переносит* свои эмоции с одного объекта на другой, из прошлого в настоящее. Очевидно, что это не обходится без различных ошибок во взаимопонимании и в видении настоящей ситуации.

И наконец, вы услышали в моей лекции о развитии инстинктов у ребенка в подтверждение расхожего мнения, что психоанализ развил концепцию сексуальности за пределы существовавших до недавнего времени границ. Он обнаружил сексуальную подоплеку в некоторых действиях ребенка, считавшихся ранее безобидными и далекими от чего-либо, имеющего отношение к сексу. В отличие от других известных вам учений психоанализ утверждает, что человеческая сексуальность не появляется неожиданно между тринадцатью и пятнадцатью годами, то есть в период полового созревания. Она существует изначально и, принимая то одну, то другую форму, постепенно переходит от одной стадии развития к другой, пока наконец не начнется взрослая половая жизнь как результат длительного процесса развития. Энергия, движущая всеми сексуальными побуждениями, на всех стадиях качественно одинакова, но в различные периоды различается по количественным показателям. В психоанализе эта сексуаль-

ная энергия называется *либидо*. Факт, что теория развития инстинктов у ребенка представляет собой важнейшую часть нового психоаналитического учения, является основной причиной его непопулярности. Очень вероятно, что именно поэтому многие из вас до настоящего времени не обращались к изучению психоанализа.

Полагаю, вы удовлетворены уже полученным вами кратким изложением материала. Вы ознакомились с некоторыми важнейшими психоаналитическими терминами и понятиями: бессознательное, подавление, формирование реакции, сублимация, перенос, Эдипов комплекс и кастрационный комплекс, либидо и теория детской сексуальности. Скорее всего эти новые понятия помогут нам в решении предстоящей задачи, а именно в изучении следующего периода жизни ребенка.

Мы продолжим описание развития ребенка с того места, на котором мы остановились. Это был возраст пяти или шести лет – время, когда ребенок поступает в школу, то есть тот период, который вам наиболее интересен.

В свете того, что мы узнали к настоящему моменту, давайте снова проанализируем жалобы учителей на то, что дети приходят в школу уже сформировавшимися личностями. Теперь мы можем убедиться в справедливости этого впечатления. К моменту поступления в детский сад или школу ребенок успевает накопить множество глубочайших переживаний. Любовь к родителям заставила его обуздать свой собственный эгоизм; он пережил неистовое желание обладать любимой матерью; желая другим смерти и ревнуя, он защищал свои права. По отношению к отцу у него развились чувства уважения и восхищения, мучительное ощущение соревнования с более сильным соперником, чувство бессилия и тяжелейшее переживание разочарования в любви. Он к тому же уже прошел через сложное развитие инстинктов и узнал, как нелегко находиться под властью отвергаемой части собственной личности. Под давлением воспитания он пережил тревогу и страх и совершил грандиозные внутренние изменения. Отягощенный таким прошлым, ребенок может быть сравнен с чем угодно, только не с чистым листом бумаги.

Происшедшие с ним метаморфозы действительно удивительны. Существо, похожее на животное, настолько зависящее от других, с почти невыносимым поведением, превратилось в более или менее разумное создание. Попавший в школу ребенок уже подготовлен к тому, чтобы узнать, что он – всего лишь один из многих и не может рассчитывать на какое-либо привилегированное положение. Он уже понял кое-что о социальной адаптации. Вместо того чтобы постоянно стремиться к удовлетворению своих желаний, как это было прежде, теперь он готов к тому, чтобы делать то, что от него требуется, и откладывать свои развлечения до времени, более подходящего для этих целей. Его интерес к интимным подробностям жизни окружающих теперь превратился в тягу к знаниям и в любовь к учебе.

Вместо объяснений и разоблачений, которых ему так не хватало прежде, теперь он стремится к знанию букв и цифр.

Те из вас, кто работает в Дневных центрах, могут подумать, что представленный вам портрет ребенка исполнен в слишком светлых тонах, точно так же, как на предыдущей лекции я нарисовала слишком мрачную картину его поведения. Вы не знаете ни одного ребенка, который был бы так хорош. Но не стоит забывать, что в Дневные центры в том виде, в котором они представлены ныне, попадают только те дети, воспитание которых в раннем возрасте по тем или иным причинам не увенчалось успехом. И напротив, учителя средней школы наверняка узнают в моем описании многих из своих учеников и не обвинят меня в преувеличении.

Если данная мною характеристика верна, она представляет собой замечательное подтверждение практических возможностей и неограниченного влияния воспитания. Родители, чьим заслугам мы чаще всего приписываем воспитание детей в ранние годы жизни, имеют все основания гордиться, что им удалось превратить вечно плачущего, непослушного и неряшливого

ребенка в прилежного школьника. Не во многих сферах жизнедеятельности возможны такие преобразования.

Однако наше восхищение проделанной родителями работой было бы более полным, если бы не два других соображения, неизбежно возникающих при оценке ее результатов. Одно из них проистекает из наблюдения. Тот, кому выпадет возможность пообщаться с детьми трех- и четырехлетнего возраста, поразится богатством воображения, степенью восприимчивости, ясностью ума, неоспоримой логике вопросов и выводов последних. Но, достигнув школьного возраста, те же самые дети начинают казаться взрослым вполне заурядными и обыкновенными. Мы с удивлением спрашиваем, куда же девались интеллект и незаурядность ребенка.

Психоанализ утверждает, что эти способности не выдерживают напора тех требований, которые взрослые выставляют их маленьким обладателям; по истечении пяти лет они почти полностью исчезают. Очевидно, путь ребенка от «плохого» к «хорошему» небезопасен. Для достижения этого результата приходится принести определенную жертву, формирование реакции и способность к сублимации ребенок получает взамен своей незаурядности и непосредственности. Поэтому наше впечатление о том, что дети старшего возраста на удивление скучны и инертны рядом с младшими, абсолютно справедливо. Ограничения, сдерживающие их мысли, и препятствия, поставленные на пути их простейших действий, в конечном счете не позволяют им свободно мыслить и действовать.

Родителям не стоит так гордиться своими успехами еще и по другой причине, также ставящей их заслуги под сомнение. У нас нет абсолютно никаких оснований утверждать, что хорошее поведение детей старшего возраста является продуктом воспитания, а не результатом достижения последними определенного уровня развития. До сих пор мы не располагаем свидетельствами, которые показали бы, что произойдет, если позволить детям развиваться без внешнего влияния. Мы не знаем, выросли ли бы из них маленькие дикари или же они самостоятельно и успешно прошли бы через ряд преобразований. Воспитание определенно оказывает огромное влияние на ребенка во многих отношениях, но вопрос о том, что бы произошло, если бы окружающие ребенка взрослые воздержались от каких-либо попыток контролировать его поведение, остается открытым.

Один важный эксперимент, затрагивающий этот вопрос, имел место в психоанализе, но, к сожалению, не был закончен. В 1921 году русский психоаналитик Вера Шмидт основала в Москве детский дом для тридцати воспитанников в возрасте от одного до пяти лет. Название, которое она дала ему, «Детская домашняя лаборатория», подчеркивало характер научного эксперимента. Вера Шмидт намеревалась окружить эту маленькую группу детей научно подготовленными воспитателями, задача которых состояла в том, чтобы спокойно наблюдать их эмоциональные и инстинктивные проявления: помогая и поощряя, они должны были как можно меньше вмешиваться в развитие личности ребенка. Таким образом постепенно выяснилось бы, происходит ли на первых годах жизни переход с одной стадии развития на другую самостоятельно, без непосредственного вмешательства воспитателей, откажется ли ребенок через какое-то время от доставляющих удовольствие действий и их источников без принуждения и заменит ли их на новые.

«Детская домашняя лаборатория» Веры Шмидт по независящим от ее основателя причинам не просуществовала достаточно долго, чтобы завершить эксперимент; в ней остался только один ребенок. Поэтому вопрос, какова заслуга воспитания в происходящих с детьми изменениях, скорее всего останется открытым до тех пор, пока не появится возможность совершить подобный эксперимент в более благоприятных обстоятельствах.

Но каким бы ни был ответ, многочисленные наблюдения показывают, что на пятом и шестом годах жизни непреодолимая сила детских инстинктов медленно затихает. Высшая точка эмоциональных проявлений и навязчивых инстинктивных желаний остается позади, и ребенок постепенно успокаивается. Создается впечатление, будто в развитии ребенка проис-

ходит резкий скачок, сразу же превращающий этого ребенка в сформировавшегося взрослого, по аналогии с животным, непрерывно развивающимся от рождения до половой зрелости и не меняющимся впоследствии. Но у человека цикл развития проходит иначе. Приблизительно к пяти годам развитие инстинктов заходит в тупик, так и не дойдя до своей конечной стадии. Интерес к удовлетворению инстинктов затихает, и облик обычного ребенка действительно начинает соответствовать образу «хорошего» ребенка, существовавшему до этого момента лишь в воображении старших.

Тем не менее инстинктивные побуждения не прекратили свое существование; они просто удалились с поверхности. Они латентны, они дремлют, чтобы пробудиться с новой силой через некоторое время. Долгое время считалось, что половые инстинкты появляются только в период созревания, в то время как этот период лишь является возрастом, когда начавшееся с рождения и зашедшее в тупик к концу первого периода детства половое развитие проявляется вновь, чтобы теперь уже окончательно завершиться.

Если мы проследим развитие ребенка с раннего периода, через более спокойную фазу, называемую в психоанализе *латентным периодом*, до полового созревания, мы обнаружим, что все старые проблемы, пробудившись ото сна, снова всплывают на поверхность. Конфликты, возникшие на почве соперничества с отцом, запретные удовольствия, как, например, любовь к грязи, вернутся и создадут немалые сложности. Таким образом, ранний период жизни ребенка имеет много общего с отрочеством. А в более спокойный латентный период ребенок во многих отношениях напоминает рассудительного взрослого с сформировавшимся характером.

И снова, как и в незапамятные времена, образование ведет себя так, будто руководствуется глубоким психологическим пониманием внутреннего мира ребенка. Оно использует латентный период – время, когда ребенка меньше, чем когда-либо, беспокоят инстинкты и он не полностью поглощен своими внутренними конфликтами, для развития его интеллекта. Учителя всегда вели себя так, будто понимали, что чем меньше ребенок подвержен влиянию инстинктов, тем больше он способен к учебе, а следовательно, не одобряли поведение школьников, ищущих удовлетворения своих инстинктов, и наказывали их за это.

Здесь задачи школы и Дневных центров различаются. В задачи школы входит развитие интеллекта ребенка, передача ему новых знаний и стимулирование его умственных способностей. Служба Дневных центров, напротив, занимается исправлением ошибок воспитания, призванного обуздать детские инстинкты. Работники Дневных центров знают, что их время ограничено; им известно, что отрочество, время, когда половые инстинкты проявляются с новой силой и занимают все существо ребенка, также знаменует собой конец того периода, когда ребенок еще подвержен влиянию воспитания. Но успех или провал этого переустройства во многих случаях определяется тем, возможно ли было воспользоваться этим последним шансом установить разумную гармонию между эго ребенка, властью его инстинктов и требованиями общества.

Вероятно, вы хотели бы знать, как соотносятся между собой возможности воспитания в младенческом возрасте и в латентный период. Существует ли разница отношений маленького ребенка к родителям и ребенка старшего возраста к учителям и воспитателям? Только ли наследует учитель роль родителей и должен ли он выполнять их функции, так же как и они, практикуя угрозы кастрации, потери любви и выражая нежность по отношению к ребенку? Когда мы думаем о сложностях, которые придется претерпеть ребенку в связи с развитием Эдипова комплекса, наша обеспокоенность мыслью о таких конфликтах, неизбежных в процессе общения группы школьников с учителем, оказывается справедливой. Как может профессиональный работник справиться с ролью отца и матери в большой группе Центра и при этом быть справедливым к притязаниям детей, избегая вспышек ревности со стороны каждого из них? Или как может учитель быть одновременно объектом страха, мишенью мятежных устремлений и в то же время близким другом каждого ребенка?

Не следует забывать, что тем временем эмоциональное состояние ребенка изменилось; его отношения с родителями больше не могут оставаться такими же, как прежде. Детские побуждения стали слабеть в латентный период, страстные желания, преобладавшие в прошлом в отношении ребенка к родителям, угасли. И снова мы не знаем, сопутствует ли это изменение новой фазе развития или страстные требования любви постепенно затихли под влиянием неизбежных расстройств и разочарований.

В любом случае отношения между ребенком и родителями становятся спокойнее, теряют свою остроту. Родители предстают перед ребенком в более реальном свете, он перестает переоценивать отца, которого до этих пор считал всемогущим. Любовь к матери, близкая по степени своей интенсивности и ненасытности к взрослому чувству, переросла в нежность, которая не столь требовательна и не подлежит критике. В то же самое время ребенок пытается обрести некоторую свободу от родителей и начинает искать дополнительные объекты любви и восхищения. Ему предстоит процесс отделения, который будет продолжаться на протяжении всего латентного периода. Прекращение зависимости от предметов детской любви по достижении половой зрелости считается признаком удовлетворительного развития. Половое влечение, успешно пройдя все промежуточные стадии, приобретает взрослые формы и обращается к объекту любви вне семьи индивида.

Однако обретение независимости от объекта первой и самой важной любви проходит только с определенными оговорками. Это как если бы родители сказали: «Ты, конечно, можешь отделиться, но только если ты возьмешь нас с собой». Иначе говоря, влияние родителей не прекращается, когда ребенок отдаляется от них и даже когда его чувства по отношению к ним затихают. Просто их влияние из внешнего становится внутренним. Нам известно, что маленький ребенок подчиняется воле родителей только в их присутствии, то есть когда он испытывает страх перед их непосредственным вмешательством. Наедине с самим собой он безо всяких колебаний следует лишь своим прихотям. Его поведение меняется после исполнения ему двух или трех лет. Даже если взрослый, которому он подчиняется, выйдет из комнаты, он будет помнить, что можно и чего нельзя, и будет вести себя соответственно. Мы говорим, что, кроме сил, влияющих на него извне, он развил в себе внутреннюю силу, или внутренний голос, руководящий его поступками.

В среде психоаналитиков не возникает сомнений по поводу происхождения этого внутреннего голоса – совести, как его обычно называют. Это продолжает звучать голос родителей, только теперь изнутри, а не снаружи, как это было прежде. Ребенок как бы вобрал в себя часть матери или отца, или по крайней мере повеления и запреты, исходившие от них, стали важной частью его самого. В процессе роста эти «внутренние родители» все больше перенимают запрещающую и требующую функцию родителей из внешнего мира и продолжают воспитание ребенка изнутри, даже без реальной родительской поддержки. Ребенок выделяет этому внутреннему авторитету почетное место в своем эго, считает его примером для подражания и нередко готов к рабскому подчинению ему, большему, чем в те времена, когда он подчинялся своим настоящим родителям.

Бедное эго ребенка должно отныне стремиться к выполнению требований этого идеала – *суперэго*, как его называют в психоанализе. Когда ребенок не слушается его, он испытывает дискомфорт и чувство вины. Когда он действует в согласии с суперэго, он удовлетворен и доволен собой. Так как давние отношения между родителями и ребенком увековечиваются в бессознательном восприятии последнего, строгость или мягкость, преобладавшая в обращении родителей с ребенком, отражается во взаимоотношениях его эго и суперэго.

Возвращаясь к вышеизложенному утверждению, мы теперь можем сказать: ценой, которой ребенок обретает независимость от родителей, становится их слияние с его личностью. В то же время степень этого слияния определяется тщательностью воспитания.

Теперь несложно найти ответ на заданный ранее вопрос о разнице в воспитании детей в младшем возрасте и в латентный период.

Ребенок младшего возраста и его воспитатели противостоят друг другу как две враждующие силы. Родители хотят того, чего не хочет ребенок; ребенок хочет того, чего родители не хотят. Ребенок всем своим существом стремится к достижению своих целей; все, что могут сделать родители, – это прибегнуть к обещаниям, угрозам и силовым методам. Цели диаметрально противоположны. Тот факт, что победу обычно одерживают родители, следует приписывать только их преимуществу в силе.

В латентный период ситуация совершенно иная. Ребенок, теперь устраивающий взрослого, больше не является неделимым целым. Как мы уже знаем, внутри него произошел раскол. Даже если его это иногда все еще преследует свои прежние цели, его суперэго, преемник родителей, выступает на стороне воспитателей. Пределы возможностей воспитания теперь определяются находчивостью взрослых. Они идут по неверному пути, если по отношению к ребенку в латентный период его развития ведут себя так, как если бы они находились в абсолютной оппозиции; поступая так, они лишают себя серьезного преимущества. Что им следовало бы сделать – так это обнаружить раскол в душе ребенка и вести себя соответственно. Если им удастся заключить союз с суперэго ребенка, то победа в борьбе инстинктивных побуждений и социальной адаптации будет за ними.

На вопрос о взаимоотношениях учителя и класса (или воспитателя и группы) теперь также проще найти ответ. Из вышесказанного мы видим, что учителю достается в наследство не только Эдипов комплекс. От каждого из детей, находящихся под его присмотром, он получает роль суперэго, и таким образом приобретает право распоряжения над ними. Если он будет просто играть роль родителя в глазах каждого ребенка, то все неразрешенные конфликты раннего детства разыграются снова, к тому же зависть и соперничество разрушат группу. Но если он сумеет взять на себя роль их суперэго, примера подражания группы, то принудительное подчинение заменится на добровольное послушание. Кроме того, находящиеся под его руководством дети будут более привязаны друг к другу и станут единой группой.

Взгляд на детство с точки зрения психоанализа⁵

Использование данных, полученных в анализе взрослых

Открытие того факта, что «истерические больные страдают главным образом от своих воспоминаний» (*Breuer and Freud, 1893*), стало началом психоанализа. Аналитики стали интересоваться преимущественно прошлым своих пациентов, а не их актуальными переживаниями и в большей степени проблемами, свойственными этапам роста и развития, чем зрелости.

В связи с этим возросли надежды на то, что психоаналитики могут быть так же компетентны в вопросах детского психоанализа, даже если они работали только со взрослыми пациентами. Их знания в области психического развития и их понимание взаимосвязи между внутренними и внешними силами, которые определяют индивидуальность каждого человека, должны были автоматически разъяснить все вопросы, которые связаны с эмоциональным состоянием ребенка или его нормальным развитием.

Однако следует заметить, что в то время было сделано очень мало для практического воплощений этих идей. Все усилия были направлены преимущественно на то, чтобы выработать и усовершенствовать методику, которая выявила новые факты, касающиеся последовательности либидозных фаз развития (оральная, анальная, фаллическая), Эдипова и кастрационного комплексов, амнезии раннего детства и т. д. Так как эти немаловажные открытия основывались на выводах, сделанных в ходе психоанализа взрослых пациентов, метод «реконструкции» детских переживаний был поставлен во главу угла и на его основе были сформированы многие понятия, являющие собой костяк современного детского психоанализа.

С другой стороны, потребовалось не более одного или двух десятилетий подобных исследований до того, как ряд авторов вышли за рамки простой теории и начали претворять в жизнь новые решения в области воспитания детей. Анализ взрослых невротиков не оставил сомнений в том, как велико влияние родительских отношений и отношений окружения, а также неискренности родителей в сексуальных вопросах, нереально высоких моральных требований, чрезмерной строгости так же, как и чрезмерной снисходительности, ненужных запретов, наказаний, раннего соращения. Изменить отношения путем улучшения условий воспитания и, таким образом, ввести так называемое психоаналитическое воспитание, которое помогло бы предотвратить развитие неврозов, казалось сложной задачей.

---

⁵ Текст дан по изданию: Фрейд А. Теория и практика детского психоанализа. Т. II. М., 1999. С. 9–27.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.